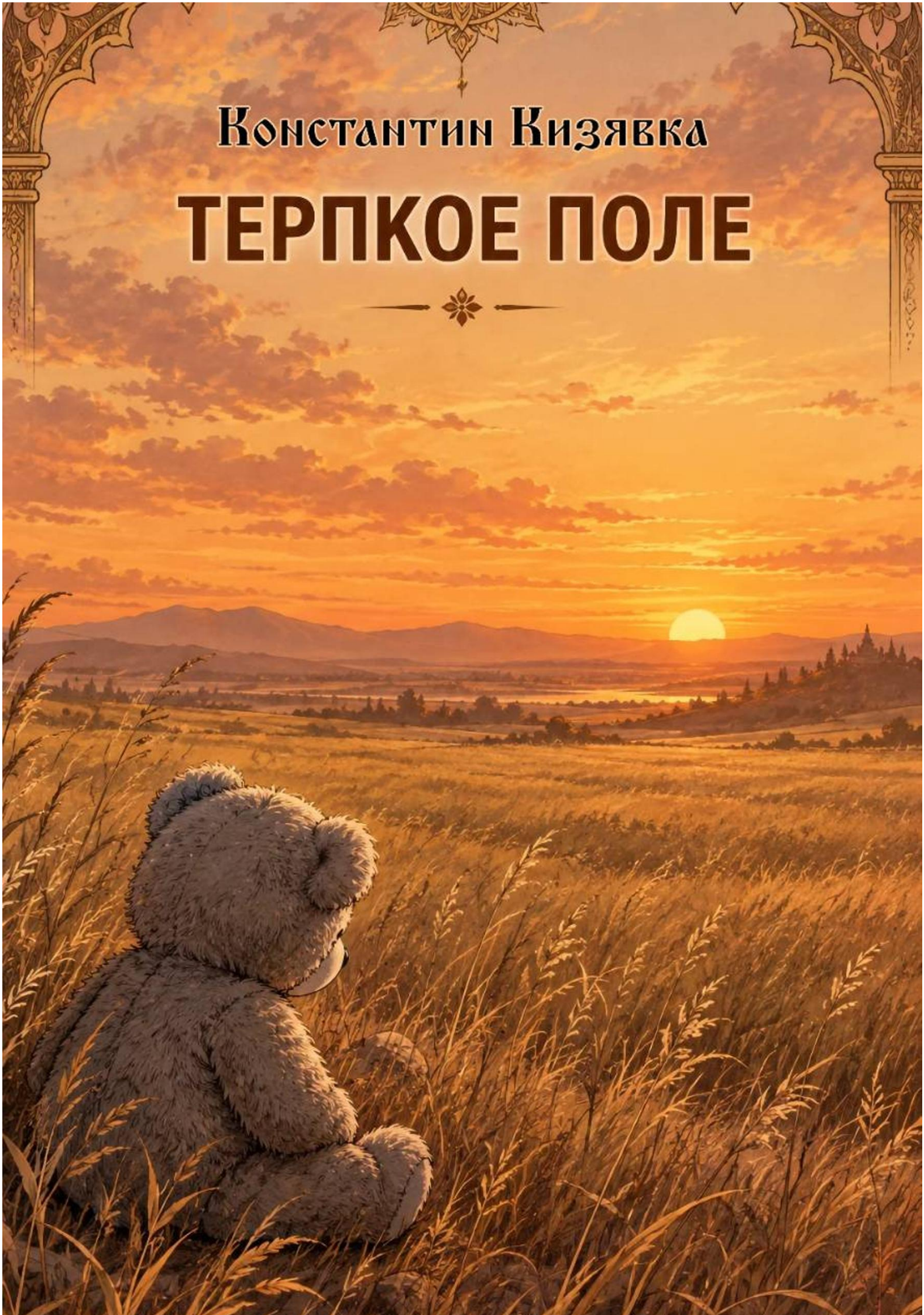

Константин Кизявка
ТЕРПКОЕ ПОЛЕ

Константин Кизявка

Терпкое поле

«Автор»
2026

Кизявка К. И.

Терпкое поле / К. И. Кизявка — «Автор», 2026

«Улисс» ростовских улиц и «Бхагавад-Гита» южнороссийской степи. Эта книга начинается там, где ростовская жара окончательно размывает границу между древними трактатами и расписанием пригородных электричек. Какая-то космическая жуть обнаруживает себя в сквозняке между купеческими развалюхами, а пространство вокруг главного героя начинает вести себя как отсыревшая обоина — лениво отклеиваться от стен бытия, обнажая изнанку. Мир не просто меняется, он трещит по швам, заставляя героя пересобирать собственную душу на ходу, между глотком ледяного кваса и падением в вечность.

© Кизявка К. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ТЕРПКОЕ ПОЛЕ 5
ГЛАВА ПЕРВАЯ 6
ГЛАВА ВТОРАЯ 10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 21
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Константин Кизявка
Терпкое поле

ТЕРПКОЕ ПОЛЕ

Я ловил соответствие звука и цвета,

И когда запевала свой гимн стрекоза,

Меж зеленых ладов проходя, как комета,

Я-то знал, что любая росинка — слеза.

Знал, что в каждой фасетке огромного ока,

В каждой радуге яркострекочущих крыл

Обитает горящее слово пророка,

И Адамову тайну я чудом открыл.

Арсений Тарковский

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Кот

Идущий с работы человек обычно обнаруживает две мысли, вы-ка-раб-кавшиеся на передний план реальности — первая радостно голосит: «хорошо, что этот долгий рабочий день закончился, теперь можно расслабить булки, мозг и прочие детали организма»; вторая тоскливо поскуливает: «скоро, буквально завтра с утра — снова туда, где море огней» — в том смысле, что туда, где по-всякому подгорит и закипит».

Алексей Борисович Хлебников разглядывал две эти мысли, как рассматривает наклейки в магазине комиксов бледный тинейджер, знающий, что денег хватит только на одну. А ещё Хлебников на всякий случай посматривал вокруг. Разбить лоб о какой-нибудь малозаметный столб он всё-таки не планировал.

В Ростове стоял сентябрь. Нормально так стоял, без всяких этих температурных всплесков-выплесков-переплесков туда, за горячие тридцать пять Цельсия, когда пот, лень и голову напекает. Понятно же, что с напечённой головой не порадуешься даже выходным дням в конце недели, голова ведь, когда «напечённая»… это вам не «вкусно приготовленная в духовке утка» и не какие-нибудь «нежные печеньки», не печёнка тушёная — тут явно больше подходит слово «пекло» с ударением на «е» и сноской «адское». В целом, слава всем богам, смотреть по сторонам Алексей Борисович в этой благословенной прохладе мог не только в поисках очередной тени, но и в целях, как бы это выразиться, наслаждения изысканными яркостями флоры и фауны.

Хлебников сел на тёмно-зелёную лавочку, чтобы спокойно покурить, ибо, как говорил ему один пожилой железнодорожник, стоя курить лучше, чем на ходу, сидя — ещё лучше, а вообще идеально – лёжа, но от последнего случаются пожары. И вообще лежать на лавочке в парке неудобно. В этическом, разумеется, плане. Обыкновенно подобное позволяют себе окончательно отвернувшиеся от человечества маргиналы неопределимого возраста, или пятнадцатилетние девушки, бросающие таким дымным жестом дерзкий вызов всему, что ещё вчера цинично душило их свободу, — мамам, институту семьи в целом, учителям и прочему официозу и истеблишменту.

Сигарета занялась со второго щелчка зажигалки, а на лавочку запрыгнул кот.

Не сказать, что это был прямо кот в полном понимании слова — слишком уж тщедушно выглядел. Точнее о таком сказать: котёнок. Чёрный, с белым пятнышком над левым глазом. Сел, лизнул свою гладкую спину и уставился на Борисыча внимательно. Что люди думают в таких ситуациях о котах? Ну ясно — животное хочет жрать. Тут или сожалеешь, что в сумке ничего съедобного, или бежишь покупать какую-нибудь колбасу, а то и корм, благо в любом продуктовом его теперь более чем. Но Алексей, если уж честно, не был из тех, кто бежит, а был скорее из тех, кто сожалеет. Потому он затянулся, выдохнул облако и сказал:

— Нет еды, Мурзик!

Кот отрицательно помотал головой. Ну, так в тот момент Алексею показалось. Может, зверь просто встряхнулся — мало ли какая блоха заела или шея затекла — но вот почудилось, что отрицает. Животное даже встало на четыре лапы, как бы утверждая таким манером, что никакая еда ему от случайного прохожего не нужна. Однако передние лапы вдруг подогнулись, он резко клюнул мордочкой, выпрямился, а затем повторил странный жест ещё раз.

— Отжимаешься? – жёстко пошутил Хлебников, прикрывая, а скорее убивая возникающую лёгкую озабоченность самочувствием фелида, как называют всех этих барсиков, мурок и пушков грамотные люди. И ведь неизвестно, до чего может довести подобная озабоченность

в итоге: до дыры в обоях на стене спальни или до ощутимых потерь налички после очередного посещения ветеринара. Шутка про отжимания, кстати, пришла Алексею в голову не просто так. Буквально вчера неспокойный Влад Безручкин звал на тренировки мордобойные, и с таким ещё чувством, будто это просто верх хлебниковских мечтаний. Говорил: «Там отжиматься будешь, пузо растрясёшь».

Вот тут не угадал. Алексею родное пузо в целом нравилось и без всяких гимнасиев: лёгкий, едва заметный бугорок, накачанный даже, если напрячь усилием воли. Видал Алексей у ровесников, ну, у тех, кому за тридцать пять, такие пуза — или пузы, как они там их называют, — что ни в одни ворота, даже в футбольные. Тут же — только намёк. Тонкий и изящный. Да и в остальном, мордобой — неправильный в целом метод. Специально учиться бить других сапиенсов или пусть даже просто гомо — какой-то дремучий, если не феодальный пережиток, то уж точно ущербный первобытный рудимент, как часто говорила про мозги двоечников биологичка Людоедовна. Алексей через такое проходил. Было дело. Каратэ шотокан называлось. Всячески забытое, туманное прошлое. Уже давно спортзалы — не его… Не Алексея… вид архитектуры. Не любит он их. Искренне, во всю ширину души не любит. И на то есть причины.

Кот всё-таки опустил заднюю часть тела на лавочку и снова принялся себя вылизывать. Вроде больным не выглядит.

Алексей докурил. Поднялся, сбил пальцем пепел, аккуратно отправил окурок по дуге в грязную чугунную урну, на всякий случай погрозил животному пальцем, чтоб не баловался, и хотел идти, но тут кот начал кричать. Может быть, он так мяукал, только очень уж истошно. Прикипел к Хлебникову, что ли, за эти три минуты?

Алексей остановился. Осмотрел чудовище с хвоста до усов. Брать вот эту несуразность с собой – не вариант. Пристрелить не поднялась рука… Хотя нет. Это вообще песня какая-то вспомнилась. В принципе, стрелять не из чего, да и не стал бы он, конечно.

— Чего тебе? – спросил неуверенно.

Кот снова «отжался».

— Нет! – решительно заявил Алексей. – Вот этого не будет от слова «никогда»!

И какое-то лёгкое негодование встрепыхнулось в груди. Совсем берега попутал Бонифаций!

Где-то высоко крикнула птица, и кот взметнул мордочку кверху.

Алексей тоже посмотрел. Журавли. Быстро перебирают крыльями, семенят примерно в сторону курортов Краснодарского края. Очень высоко. И в этом мельтешении крыльев почудилась Алексею какая-то тщета, какое-то лишнее усердие, хотя сам полёт в холодной синеве даже восхищение поднимал изнутри. И это ещё днём, когда звёзд не видно. На сияющем фоне какой-нибудь галактики вообще смотрелось бы эпично.

Тут у читателя, конечно, может возникнуть вопрос: заметил бы Борисович в темноте белые крылья? Вряд ли, скорее нет, чем да. Ночью люди замечают разве что спутники: «О! Звезда летит!» И то, если вдруг решили постоять и поглазеть в таинственную черноту. Вы часто глазеете? Ведь правда же, редко. Дай бог, раз в неделю. И то — если сердце прострелила какая-нибудь ностальгия, а не вот это всё: что купить, у кого занять, когда уже отпуск, будет ли вообще суббота на этой неделе, вымыта ли посуда, нет ли пыли на полках, не течёт ли кран на кухне или, допустим, в ванной, когда наконец менять обои, что надеть завтра на работу, когда позвонить маме, почему так странно улыбался шеф, говоря о зарплате, кто сверлит стену в два часа ночи, надо бы подлечить зубы, когда я съезжу на море…

Кот уже смотрел на Алексея Борисовича. И Хлебников почувствовал что-то вроде досады. Физкультурные претензии фелида как-то разом затмили пушистую милоту. И пока благословенное раздражение не ушло, Алексей решительно зашагал к выходу из парка.

И всё было, в принципе, ничего. Славный осенний день. Ростов тёплый и уютный. Хлебников шёл не торопясь, смотрел по сторонам и в какой-то момент поймал себя на странной для него мысли, что мир прекрасен. Впрочем, мысль — нечто интеллектуальное, умственное такое, а у Хлебникова эта функция тут отключилась напрочь. Пахло корицей из кафе, охлаждал лицо свежий ветер — непривычный и приятный после всех жаркостей ещё не забытого лета. Прохожие улыбались как-то особо мило и душевно, зелёные листья на деревьях подрагивали, облака в небе белели исключительно плотно и важно… И всё совпало в такую благодать неземную, что сердце Алексея Борисовича разомлело, растаяло и потекло ввысь — к крышам и дальше, к синеве ангельской.

И надо же — в самый такой замечательный момент, когда ничего человеку больше не надо, потому как полнота мира уже вот она, руку протяни, а то и не протягивай вовсе… И в самый этот момент прямо на глаза высунулось, налезло, нахлобучилось название у входа во Дворец культуры. Наглое такое, противное, оранжево-чёрное название «Формула спорта» и приписка кислейшая: «фитнес-центр». И ведь сразу всё настроение, всю радость как сдуло, унесло куда-то вниз к ростовской набережной.

— Что ж это за нафик такой! — в сердцах, но вполне себе вслух воскликнул Хлебников.

Но это был не весь нафик. Буквально одновременно с восклицанием нашего героя зазвучали раковины, литавры, барабаны и рожки, и шум был оглушающим. Шум заполнил собою небо и землю и потряс расслабившееся было сердце Алексея Борисовича. Хлебников оглянулся и увидел, что все машины вздыбились и истошно гудят на жёлтого велосипедиста, едущего себе на красный по Семашко и везущего за спиной огромную коробку с какой-то доставкой.

Лицо ездока светилось абсолютной невозмутимостью. Его не пугали визжавшие тормозами автобусы и хетчбэки, не тревожила многоэтажность матерных построений, не трогали рыдания клаксонов и труб. Он что-то вёз. На голове его покоились большие зелёные наушники и даже сквозь истерическую какофонию всеобщего возмущения Хлебников слышал печальный голос французского шансонье Стромае: «Формидаблё! Формидаблё! Тю этэ формидаблё, жэтэ фор минаблё! Нуз этьён формидаблё!»

Он так и уехал, этот доставщик, вниз по Семашко — никем не остановленный, спокойно-печальный, так и не осознавший, причиной какого переполоха стал.

Шум затих...

Алексей ещё раз взглянул на призывную надпись у входа и заметил в окне под ней рекламный плакат. Гипертрофированный качок держал в правой руке гантель весом килограммов тридцать. Он как бы проделывал упражнение на бицепс, и при этом левой рукой приобнимал за талию стройную блондинку в чёрном спортивном лифчике и шортах. Над головой качка в белом круге, как в комиксе, висела его мысль, точнее, чернела на белом фоне надпись: «Начни путь к совершенству!»

У Алексея пересохло во рту и подкосились ноги. «Совершенству?!» Так вы называете?! Такими красивыми словами заманиваете к себе?! Хотя нет, конечно, нет, такими словами вы не Арину, а меня — меня заставили отправить Арину в ваше «совершенство». Разве она хотела сама? Ну, может быть, хотела, но если и хотела, то совсем чуть-чуть. Что может хотеть ребёнок в шесть лет? Сладкое что-нибудь может хотеть: мороженое, конфеты, шоколадку… Отправил я. Да. Я. И что? Где совершенство?! Что за слово такое упоротое! Что вы вообще такое?! Зачем вы пишете гадости у всех на виду?!

Тело Хлебникова охватила дрожь, волосы на руках встали дыбом. Лицо пылало как в огне. Он отшатнулся от плаката и надписей, отшатнулся от этого нелепого мира призывов и лозунгов, отшатнулся от ужаса, от скорбей, от страданий и нетвёрдо зашагал прочь, успев, однако, совершенно вскользь заметить в следующем окне спортзала чёрное лицо. Это не

было лицо какого-нибудь негра, постигающего в России медицинское дело, нет — лицо было закрыто темнотой материи из серии этих модных нынче японских ниндзя. Такая балаклава, маска с узкой прорезью для глаз.

В руку Алексею сунули бумажку. Молодой парень с кипой ярко-рыжих прямоугольников. Сунул и метнулся к другому прохожему.

Только в автобусе Хлебников заметил, что сжимает в кулаке оранжевый лощёный листок. Поднёс к глазам. Прочитал: «Формула спорта». Скомкал и бросил прямо на грязный пол салона.

Автобус был почти пуст. Алексей опустился на сиденье у средней двери, сильно сжал голову ладонями, впился пальцами в волосы. До боли сдавил. Но легче не стало.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Узус

Вечером, когда остаёшься один за столом в тесной квартирке с видом на грязную улицу Станиславского с дребезжащими на стыках рельсов трамваями, с разноцветной волнующейся толпой на остановке, — все эти покачивающиеся отсветы фонарей, крики пьяных прохожих, визгливые сигналы нервничающих водителей постепенно сливаются в унылую всепоглощающую идею о том, что пора спать, что день бездарно кончился, что не было в нём ничего такого эдакого, которое потом, через неделю, а то и через годы вспомнишь и подумаешь: «Не зря». Не вспомнишь. Не подумаешь. Незряшных дней больше нет. Все дни теперь одинаковые, заветрившиеся, скоропортящиеся, без любого вообще смысла и яркости. И всё, что сжимает, стягивает в приемлемую рамку размеры вселенского уныния, – это только бледное фосфорическое свечение старенького корейского монитора.

Вечер таял, расходовался, укорачивался и вдруг среди названий видосиков, среди разноцветных букв сетевых заголовков мелькнуло странное угловатое слово — «Санкхья». Мышка под пальцами Алексея замерла. Странное всегда влечёт и манит.

Щелчок. Загундосил, запричитал пенсионного вида профессор в очочках и бабочке, понёс в полумрак квартиры не то чтобы чушь, но очень близкие к ней идеи древней индийской философии. А впрочем, это даже неплохо. Спросит, допустим, завтра на работе какой-нибудь пионер: «Что такое санкхья, дядь Лёш?» А Алексей возьми да и ответь ему теми самыми словами, которые сейчас, мерно раскачиваясь, чеканит старик на экране:

«Пракрити — это танцовщица. Своим танцем она привлекает и удерживает Пурушу. И это не просто отсылка к женщине лёгкого поведения. Веды куда глубже наших плоских обывательских интенций. Но каков образ, какая точность примера! Сразу же понятно всякому! И почему бы нет? В «Санкхья-карике», в пятьдесят восьмом стихе, так и говорится: «Как танцовщица удаляется за кулисы, показав себя залу, так и Пракрити устраняется, раскрыв себя перед Пурушей».

Кофе в кружке почти остыл. Холодный и сладкий. Как в алюминиевых банках, что продаются во всяких там «Апексах». Цены, конечно, у всех этих супермаркетов конские, за одну жестянку — двести рублей. А вот если взять пакетик «три в одном», ведь каких-то пятнадцать, а то и вовсе двенадцать рублей, и в целом выходит ничуть не хуже. Опять же горячий, когда плеснёшь из чайника. Горячий кофе — он ведь поприятнее холодного. Зачем вообще продают и пишут «холодный кофе» на всех этих этикетках или в ресторанных меню?! Да что там пишут! Лёд добавляют, чтобы прям ледовитый был, как океан! Разве поймёшь? Люди все такие разные.

А профессор бубнил и бубнил:

«В соединении Пуруши и Пракрити возникает осознание, вспыхивает психическая жизнь материи — всё благодаря тому, что Пуруша обратил на неё своё внимание. А когда происходит разделение, для Пуруши наступает успокоение, Пракрити же вновь возвращается в своё первобытное состояние джада — состояние полного неразумия».

Очень… Очень интересно. Невыразимо. Большая буква «С» — Сарказм.

Алексей щёлкнул мышкой, и философ послушно замер с открытым ртом. Крутанул колёсико. «Деньги и богатство», «Вибрации слов», «Китай показал загадочную ракету»…

Что за ракета? К далёким мирам? Хотя… Судя по взрывам, какая-то военная. «Выбрасывает тонкие углеродные нити, замыкающие провода, и выводит из строя электростанции и линии электропередач».

Вообще не то пальто, и уж точно не мечтой о далёких планетах живёт теперь человечество. Алексей вздохнул и допил остывший кофе.

За окном всё так же толпились на остановке люди, что-то кричал сосед с первого этажа, бухавший без перерывов, разве что с перекурами, уже вторую неделю.

Хлебников захлопнул створку — сразу стало слышно, как стучат часы на стене. Пора спать.

Утро начинается будильником.

Вы как выбираете музыку своего пробуждения? Ставите что-то безумное, громкое, чтобы без выбора, чтоб вскакивать ошпаренным и лететь на работу? Или, наоборот, находите такое медленное и спокойное, душевное, тихохонькое, чтоб пробудиться помаленьку, без стресса, присесть на кровати, почуманеть и только потом лениво ткнуть на экране «Сбросить».

Еще секунду назад Алексей общался со священником. Вроде бы в церкви, но как-то не совсем. Зашел Хлебников вообще-то в компьютерный клуб, над входом в который светилось что-то английское, со словом Cyber… И клуб теперь получался налево из маленького вестибюльчика, а прямо крест во всю дверь. Еще подумал: что за крест?.. В общем, зашел налево и спросил у парня за стойкой:

— Кола есть?

Тот распахнул холодильник и вытащил баночку. Алексей протянул пятисотрублёвку.

— Не-е… — скривился парень, — сдачи нет. У попа разменяй в соседней комнате, он пацанам всегда меняет. Такой седой, с длинной бородой.

«Седой с бородой, седой с бородой, седой с бородой», — само собой рифмовалось у Хлебникова, пока он открывал дверь, закрывал дверь, открывал вторую с крестом, закрывал… Там, среди полумрака и пары десятков свечечных огоньков, стоял священник, совсем не седой, а очень даже молодой — ну лет тридцать максимум и совершенно безбородый.

— Вот, — протянул Алексей бумажку, — разменяйте, пожалуйста!

Священник купюру взял, раскрыл дверцу тёмного шкафа и зазвенел мелочью. Из-за дверцы Алексею не видно было, что он там делает.

— Не хватает, — вздохнул священник, отзвенев. — Тут только триста рублей. Может, книгу купите? Хорошую, религиозную.

Алексей смутился. В Бога он верил плохо, слабо верил, чисто по какой-то народной традиции — совершенно без осознания этой темы или хоть какого-то интереса к ней. Но отказывать батюшке в такой ситуации неудобно как-то. Да и чего там двести рублей. Банка колы за сто продаётся. Еще двести останется.

— Давайте, — махнул он.

Священник вытащил из шкафчика кипу книг и вывалил на столик перед Алексеем.

Книги были солидные. Не какие-то там бумажные брошюрки типа «Есть ли Бог на Марсе?», нет — в красивых, может быть даже кожаных обложках, с золотым тиснением. И картинки внутри внушительные, как в очень качественных подарочных изданиях. Неужели всего двести рублей такая стоит? Удивительно.

— Вот эту возьму, — осторожно показал Алексей на книгу с названием «Акафисты».

Священник улыбнулся и подтолкнул оставшиеся книги поближе к Алексею:

— Берите ещё!

Странно. Такие роскошные. Куда там ещё. Дорого же! Ну ладно.

— Тогда ещё вот эту, — Алексей приподнял книжку в коричневом переплёте с рисунком какой-то иконы.

Священник одобрительно кивнул:

— Дельная книга. Каноническая. Хороший у вас вкус.

Алексей аккуратно засунул книги под мышку и стал ждать, когда священник наконец даст денег на колу.

Священник снова подошел к шкафу, позвенел и вернулся.

— А чего не идёте? – заботливо спросил.

Алексей замялся.

— Сдачу. Я ж колу хотел купить. У них сто рублей банка.

В принципе, книги были хорошие, и пусть не триста, но сто рублей сдачи вполне сошли бы.

— Странный вы человек, — нахмурился священник. – Пришли в Божий храм и денег требуете. Не по-христиански это как-то.

— Да я чисто на колу, — замялся Алексей, ощущая поднимающийся откуда-то изнутри холодок. – Вы можете мне книги не давать, но тогда отдайте деньги, пусть не пятьсот, пусть пожертвование будет, но хоть сто рублей отдайте. Я пить хочу.

— Возжаждет опять, — грустно усмехнулся священник. – Я тут ему книги даю. Лучшее, что у меня есть, а он…

И вот именно в этот момент, когда Алексею, медленно наполняющемуся звенящим возмущением, больше всего хотелось услышать, что же конкретно сделал он не так… Именно в этот момент заиграла печальная музыка будильника.

И надо было бы вставать, идти умываться, собираться на работу, но так уж невыносимо желалось Алексею дослушать священника и выпалить ему в ответ всё, что он о нём думает, что он, почти не раскрывая глаз, нажал на телефоне «Выключить» и снова нырнул под одеяло. Попытался представить, вернуть полумрак, дым свечек, молодое возмущённое лицо… Но ушло, уплыло куда-то ощущение, пропал священник бесследно, и никак его не возвратить. Вроде бы и стены те, точь-в-точь... почти... И свечки горят. А поп пропал.

«Ишь ты, пройдоха! И ведь взял, деньги отобрал, и ни грамма совести. Никакого ведь сожаления к человеку, который просто хотел попить колы. Кстати, нет колы в холодильнике?»

Алексей прошелся на кухню, распахнул белую дверцу. Колы не было. Стояла в глубине за тарелкой с сырной нарезкой наполовину полная — вот тут неважно, кстати, наполовину полная или наполовину пустая — бутылка лимонада. Но это не то, чего хотелось. А колы не было.

Напился воды из крана. Сразу чайник поставил на огонь. Пусть греется. Сыр на стол положил, масло и хлеб нарезал.

Так и позавтракал: кофе с сырными бутербродами.

Уже идя по улице, вспомнил лицо священника. Хитрое. Невинное такое, даже гневное. Надо же, какие люди бывают. Лицемерные люди. С виду святые, а внутри жадные.

На работе — а работал Алексей Хлебников администратором в антикафе «Сердце Дракона» — было пусто и тихо. Тут Борисович целыми днями следил за порядком, помогал посетителям разбирать настольные игры, выдавал квадратные кофейные пакетики, принимал оплату за пребывание в заведении, за случавшиеся иногда концерты или за встречи со всяческими интересными людьми. В перерывах между этими увлекательными для кого-то моментами он выметал из углов фантики, отдирал с обратной стороны столов засохшие жвачки — словом, трудился в меру своих хлебниковских сил.

Злость потихоньку отошла. Да и на кого, по сути, злиться? На персонажа из сна? Вот это, конечно, рациональное поведение, ничего не скажешь. Алексей откинулся в кожаном кресле и подумал, что в жизни всё-таки, какой бы чёрной она ни была, есть более-менее светлые моменты. К примеру, когда сидишь вот так, ничего не болит — ну, кроме души, понятно —

и смотришь на тихое уютное помещение, где еще часа два не будет никого. Утро напихивает горсти света в истаивающий полумрак; ночные тени отступают, прячутся в углы комнат, утекают за шкафы и под столы. Тихо, как в первый день творения, если, конечно, не врут авторы Писания или тот, кто этим авторам так рассказал.

Алексей Борисович подхватил серебристый электрический чайник, накачал из кулера воды и щёлкнул тумблером. В принципе, утренний кофе ещё толком из организма не вышел, а тут снова добавочка, но что в этом, по сути, страшного? Есть вещи гораздо страшнее, чем чашка кофе на второй завтрак. Те же бомбардировки или артобстрелы, которые по всему миру всё чаще случаются. Осколок или кусок стены по темени — это вам не ложка сахара. Тут уже никакого кофе не захочется. Только тишины побольше и покоя. Но вот они тебе, Алексей Борисович, — и тишина, и покой. И как тут не радоваться? И ведь радовался бы… если бы мог. Если бы не глубокое где-то внутри, где-то возле сердца тревожное, не исчезающее никогда ощущение странной ненужности этой тишины, этого мира и этого покоя… Наверное, будь человек сам по себе хоть слегка счастлив, тишина порадует. И вот этот момент особенно непонятный и странный. Не тишина, получается, успокаивает человека, не отсутствие взрывов и несчастий, а какая-то — где бы её только взять — человеческая крохоть радости, без которой ничто извне не даст ни успокоения, ни, тем более, счастья.

Дверь на входе запищала, кто-то вошёл. Алексей наклонился, силясь рассмотреть в серости сумрачной анфилады коридора, кто там. Судя по силуэту на фоне яркого квадрата — мужчина, высокий и накачанный. Спортсмен, наверное.

Атлет вышел на тусклый свет прохода. Волосы светлые, на руках татуировки. Улыбается по-доброму.

— Здрасьте! У вас настольные игры продаются?

— Да, — Алексей приподнялся, – такое есть у нас. А вам какой жанр хотелось бы?

— Хочется чего-то посложнее. Может быть, даже варгейм.

— Вот, смотрите, — Хлебников показал на полку, — «Игра престолов», «Корни», «Битва за Вестерос».

— А посвежее что-то…

— Ну есть там, в зале, «Пути славы», не скажу, что прям свежая, но относительно… Но она бэушная. Тут уже появились было у неё фанаты, даже говорили, купят, но надолго их не хватило, раза два достали и всё.

— Это про Первую мировую?

— Ага.

— Ну тогда, наверное, не надо. А вот этот «Вестерос» почём?

— Шесть.

— Дороговато, в принципе.

— А вы в клубе состоите?

— Что за клуб?

— Ну наш, антикафешный, «Сердце Дракона».

— Нет, наверное… А это как?

— Ну, приходили к нам играть? Там скидка накопительная. За каждое посещение — минус двести пятьдесят. У некоторых набегает так, что бесплатно игры берут.

— Интересно. Нет, нету у меня такого. А вы каждый день работаете?

— Практически. Кроме понедельника.

— Зайду обязательно. А сейчас давайте я «Вестерос» ваш заберу. Говорили, неплохая игрушка. Вот, возьмите. Тут ровно шесть. Про ракету слышали?

Алексей поднапрягся.

— Китайскую?

— Ага.

— Про ту, что с углеродными нитями? Чтобы отрубать электричество?

— Да что ж вы за люди такие! — расстроился татуированный, и славянская вязь на его могучем предплечье будто потемнела. — Всё про войну. Ну нет же! Которую они на Луну готовят. Американцы там вряд ли были. А вот китайцы собираются.

Алексей пожал плечами, сунул деньги в карман и внимательно наблюдал, как растворяется в яркости входа могучий силуэт покупателя.

Нормально так для начала дня. Люди вообще-то настольные игры не сильно покупают. Им кажется, будто это что-то детское, что-то типа «Монополии». Далеки, короче говоря, обычные люди от этих картонных миров. А тут — бац: пришёл, увидел и купил. Серёга будет доволен. И ракета… Почему он про ракету спросил? И как неудобно получилось. Ведь он, Алексей Хлебников, про войну не думает. Наоборот. Хотел бы, чтоб на Луну. Ну китайцы, какая разница. При чём тут война! Как вообще можно по фразе вешать на человека ярлык? Человек, может, не виноват, что вчера услышал про такую ракету, а не про другую. Что ж он теперь – милитарист? Военщина оголтелая? Некрасиво как-то о людях судить без разбору, а вдруг человек добрый и хороший, а вы ему: «Урод ты, батенька!» Красиво? Вряд ли! Так можно любого в грязь втоптать. Это разве правильно?

Пиликнул телефон в кармане.

Алексей вытащил, придавил большим пальцем сканер отпечатка. «Ракетная опасность. Рекомендовано проследовать в укрытие, подвал или подземный паркинг!»

Кстати, пока никого нет, надо купить что-то к обеду. Ну, хоть магазины не закрывают в ракетную опасность. Слава богу! И рядом тут, через дорогу перескочил — и пожалуйста.

В «Продуктах» было тихо. Полки, заставленные всяческими банками, упаковками и бутылками, и две продавщицы. Одна, повернувшись к миру полной спиной, медленно выстраивала на полке шеренгу одинаковых бутылок с минеральной водой. Вторая сидела за кассой и пристально, не мигая, смотрела на потолок. Алексей тоже посмотрел. Среди белых пенопластовых прямоугольников светился квадрат дневного света. Ничего более… И менее ничего…

Хлебников не спеша прошёлся вдоль неровных, пахнущих картоном и сыростью стеллажей, на которых всё разложили с какой-то виноватой аккуратностью — будто заранее извиняясь за то, что есть в наличии. Нашёл дошик с кимчи, нарезной батон и пакет с майонезом. Отличный, кстати, обед. Сытный и вкусный.

Поставил перед кассиршей.

— Здрасьть! — приветствовала та, оторвавшись от потолка, и пикнула майонез.

— Здравствуйте! — отозвался Алексей.

— Картой?

— Картой.

— Прикладывайте. Спасибо! Получилось. Хорошего дня!

— Вам спасибо, и дня… хорошего, — Алексей подхватил покупки и вышел в свежесть улицы.

Приятная такая свежесть. Что ни говори, а ростовское солнце за лето сильно надоедает. Некоторые странные граждане в январе по нему начинают скучать, но не Хлебников. Было бы по чему скучать! По пятнам соли на черных майках? По поту в глаза? По перебежкам от сплита на работе к сплиту в квартире? Нет, нет и ещё сто шесть раз нет! Пусть лучше прохладно да даже холодно пусть — только бы не лето!

— Слышь, друг!

Перед Алексеем образовался улыбающийся, коротко стриженный парень лет двадцати, уже употребивший с утра, если судить по неточным движениям. Денег будет просить? Не

дождётся. Нету денег. Пусть идёт зарабатывает. А то взяли моду — бухать и не работать. И ладно бы бухать, некоторые вообще колются.

— Ты в магазине был? – добродушно поинтересовался стриженый.

Чудовищная проницательность. Как догадался?! Может, по тому факту, что Алексей из магазина вышел?

Алексей кивнул:

— Да.

— А ты это… Хотел у тебя спросить… Но не помню. Ну вот это…

— Про ракету? — вдруг прорвалось у Хлебникова. Что ещё хочет услышать Вселенная про этот пресловутый китайский почин.

— Про ракету? — озадачился парень. — Нет, не про ракету. Про мир. Да. Скажи, люди сейчас, ты обращал внимание, вообще странные. Ни с кем не поговоришь даже. Вот наболит прям по сюда, — движение пальцев продемонстрировало, что наболело у парня по кадык, — а поделиться не с кем. Потому что живут эти люди в иллюзии. Ты же понимаешь, что такое жить в иллюзии?

— Пракрити? — вспомнил Алексей лектора.

— Да. Прикинь, на днях встретился с девчонкой. Тоже молодая, привел домой, а она того… Представляешь, оказалось, она за деньги. Ну из этих, понимаешь?

— Танцовщица? — Хлебников почувствовал расслабление. Странным образом парень нуждался не в деньгах, а в собеседнике.

— Ага. Она так и сказала, что танцовщица. И как только я с ней расплачусь, уйдёт. Чтобы я не строил иллюзий. Она раскроется передо мной и уйдёт. И всё! Чтоб не строил иллюзий! Понимаешь?! Она же, получается, ничего для меня не значит! То есть, когда мы шли… Ну, ко мне, я как-то думал, это серьёзно, я даже планы строил, прикинь, что мы будем вместе, типа навсегда. Типа умрём в один день. А она… Танцовщица. Прикинь?

— Санкхья! — произнёс Алексей, холодея от понимания, как легко запомнил эти нелепые слова.

— Точно! А как это ты… Мы что… Ты меня знаешь?

— Не важно. Так и что с ними делать? С иллюзиями?

— А! Да легко. Просто не обращай внимания! Есть же вещи на порядок выше, слышишь?!

Парень цитировал Басту (или «Касту», Хлебников вечно их путал), что, в принципе, для Ростова было естественно и вполне обыкновенно. Алексей сдержал улыбку и даже изобразил интерес:

— Что за вещи?

— Ну вот, смотри: хотя бы судьба. Думал ли ты вообще, что от судьбы не уйти и жизнь не переписать? Ну вот случится что-то — и всё. Хоть как ты крутись, а от этого не уйти.

Хлебников потемнел. Собеседник ждал несколько секунд, понял, что ответа не будет, и продолжил:

— К примеру, вчера один алкаш мне говорит: «Дай денег!» А я ему: «Ты уверен, что судьбой предопределено, будто я тебе дам денег?» Он говорит: «Уверен», — и пику достаёт. Откуда ему знать, что судьба перед этим положила мне в карман перцовый баллончик? Залил я этому фаталисту глаза, отошел для безопасности и спрашиваю: «Точно уверен?» А он мычит что-то и ругается неприлично. Ещё заточкой тыкает в мою сторону. Вот скажи, братское сердце, разве можно хоть что-то знать наперёд? Хоть даже самую малость? Почему мне кажется, что нельзя? А ты хотел бы?

— Но какие-то вещи, — очнулся Алексей, — можно же! Вот пойду я сейчас на работу, поставлю чайник, заварю дошик, заправлю мазиком и похаваю.

Алексей подумал, что «похаваю» прозвучит для этого типичного ростовского пацанчика гораздо понятнее, чем, например, «поем». Парень усмехнулся.

— Можно предполагать, — согласился он, — но знать стопудово — никак. О! Мой подошёл! Ладно, давай! Хорошо, что есть ещё люди! Рад был. Не пропадай!

Парень заскочил в автобус, обернулся и помахал рукой. Алексей помахал в ответ. Двери закрылись, автобус двинулся по отведённому ему судьбой и автотранспортным предприятием маршруту.

У входа в антикафе скучали два пионера. Судя по восторженным лицам, говорили о чём-то возвышенном, возможно даже о «Майнкрафте», а то и вовсе о «Доте» или, допустим, ноумене Канта.

— Здравствуйте! — сказали они практически одновременно и, едва Алексей открыл дверь, сразу втекли внутрь.

Полумрак нахлынул, надавил, но через несколько секунд отступил — проявились столы, стулья и плакаты на стенах.

Пионеры уже протягивали деньги. Понятно, на что. Хозяин поставил для таких в углу боковой комнаты четыре компьютера. Какая-никакая прибавка к дневному доходу. И ведь нужно-то всего четыре игры: «Дота», «Контр-Страйк», «Майнкрафт» и ПАБГ.

— А «Фортнайта» нет? — поинтересовался рыжеволосый мальчишка.

— Есть ПАБГ! — отрезал Алексей, и пацан покорно кивнул.

Когда на экранах запрыгали, постреливая, персонажи в камуфляже, Хлебников набрал воды в чайник, щелкнул тумблером, сел рядом и задумался.

Что за утро такое? Откуда эти ракеты, санкхьи, танцовщицы? Или Вселенная реально вот таким образом вступает с ним в контакт? Недавно Влад что-то похожее пытался донести — о голосах, откровениях, просветлениях всяких. Ну Влад понятно, он помешан на всей этой ерунде. А ведь всё то же самое, с голосами и откровениями, можно сказать о каких-нибудь шизофрениках — да вообще о пациентах подобного плана. Вот чего, конечно, хотелось бы меньше всего, а лучше — вообще нет. Но помилуйте, в самом деле, ведь совершенно странное получается. Допустим, с клиентом, который купил «Вестерос», всё могло просто совпасть. Ну слышали оба вчера про ракеты. Ничего дикого тут нет.

Но вот с этим поддатым парнем всё очень непросто. «Иллюзии», говорит. Как вчерашний профессор. И ладно, что ни пракрити, ни санкхье не удивляется — допустим, под градусом — не вникает, но танцовщица, которая приходит и уходит, прям до буквы совпала со вчерашним. Это как назвать? Простое совпадение? Нет уж, тут явно что-то другое. Что-то, как во сне. Допустим, и правда что-то запредельное. Почему бы и нет? У других случается, а у Хлебникова почему не может? Чудеса, вон, везде. То по воде ходят, то мертвых воскрешают, а тут реально поменьше масштаб будет. Всего лишь общение с чем-то, ну или кем-то потусторонним. Как вчера с котом. Отжимался ведь, подлец. Отжимался. Намекал. А сегодня, ты смотри, прям вообще без тонких намёков. Прямо в печень. Танцовщица, иллюзии. Всё чётко и однозначно, как говорил покойный Жириновский.

Щёлкнул чайник. Алексей залил лапшу в контейнере и накрыл крышкой. Сверху прикрыл бумажкой с надписью «Доширак. Вкус кимчи». Обычай такой. Нужно не выбрасывать доширачную картинку, а класть сверху, когда завариваешь — без этого не так роскошно получится. А вот вилку — в мусор! Странная белая вилка в целлофановой упаковке шлёпнулась в корзину. Кто ест дошик вилкой?! Только ложка! Самое вкусное — это сочетание бульона и

лапши. Вилкой, тем более этой дурацкой, едят ну совершенно далёкие от дошираков люди. Они ещё потом жидкость сливают в раковину. Извращенцы! Хотя жаль их, конечно, — никакого удовольствия от этого божественного продукта не получают!

— А может, есть «Фортнайт»? — грустное лицо прервало размышления Хлебникова о высоком.

— ПАБГ есть!

— А «Фортнайт»?

— «Фортнайта» нет.

— А можно я тогда деньги заберу?

— Хм… — парнишка озадачил по-серьёзному.

Внесли пионеры каждый по десять рублей, хотя час стоит восемьдесят. Отыграли уже… Алексей глянул на часы. Полчаса. Ну да, увлёкся кулинарией, забыл про них. Честно говоря, и не жалко, думал, пусть подольше поиграют, не пять же минут, как положено на такую сумму по прейскуранту им выписывать. А вот гляди какой прошаренный попался. Денег хочет. Типа и сыграл на сорокет, ещё и десяточку бы заработать — развести этого лоха администратора. Ну да ради бога!

Алексей усмехнулся и достал из кармана металлический десюлик.

— Держи… Бизнесмен.

Рыжий монетку взял и бочком-бочком, а вдруг удача отвернётся и заставят отдать, ушуршал из антикафе.

Как там второй?

Играет. «Контр-Страйк». Пистолет у него козырный — из какого ящика достал? Или купил? Такой нормально стоит. Не меньше пяти косарей. Значит, про «Фортнайт» чисто так спросили, ради спортивного интереса.

Ладно, пусть играет.

Алексей хотел вернуться к дошираку, но в коридоре появились двое. Парочка. Лет по двадцать пять. Парень в чёрном пиджачке и галстуке и девушка — тоже в пиджаке, только синем. На чиновников похожи. Молодых таких чиновников.

— Добрый день! — приветствовал парень. — У вас можно провести день рождения?

— Добрый день! А почему бы и нет! На какой день хотите? Давайте запишу.

— А у вас будет мастер по ДнД или что-то подобное чтобы было?

— Есть и ДнД, и «Пасфайндер», и ГАРПС, и вампиры, наш мастер может даже «Квест-Борд» провести двухчасовой. Кстати, на день рождения именно «Квест-Борд» обычно заказывают. Всё-таки в ДнД только оформление героев часа на два, а тут два-три часа и приключение случилось.

— А что за «Квест-Борд»?

— Да, в принципе, то же самое, что ДнД, только тему можете выбрать из списка. Там и фэнтези, и современные темы, типа детектива или боевика, есть даже мелодрамы.

Парень посмотрел на девушку:

— Ян, какую тему возьмём?

Девушка неуверенно пожала плечами:

— Мы же Дындэ хотели, ну… Игорь же сказал, что Дындэ.

— Типа ты в ДнД шаришь?! — усмехнулся парень. — Какая разница, реально там характеристики перса три часа только заполнять будешь на бланке. А тут как кино — два часа и всё. Потом лучше в компы порубимся и пожрать же нужно будет.

— Ой, если такой грамотный, чо у меня вообще спрашиваешь?! Тут душно. Пойду на улицу, там подожду.

Душно? Алексей посмотрел на работающий кондиционер. Втянул носом воздух. Вроде нормально, благовония с утра жёг сандаловые. Может, ей этот запах не нравится? Или запах дошика до ресепшена дотянулся?

— Давайте детектив! — сказал парень, когда девушка вышла. — Мы же сможем поиграть, а потом в настолочки там, в компы?

— Да, конечно! Обычно мы начинаем в шесть вечера и до полуночи, кроме вас, в кафе никого не будет. Столы накроете как хотите, мастер проведёт игру, а потом — что хотите до упора.

— Отлично! Сколько с нас?

— Пять тысяч. Стандартно. Оформим?

— Это вместе с ролевкой и всем остальным?

— Да.

— Прикольно. Конечно. Давайте оформим.

Через пятнадцать минут довольный молодой человек вышел на улицу, а три девушки студенческого возраста уже просили Хлебникова помочь им разобраться в настольной игре «Эверделл». Алексей согласился, и следующий час прошел в установке картонного Вечного дерева, раскладке игры и объяснениях: чем ягоды отличаются от камушков, смолы и веток и почему поляна и город — это разные местности.

Доширак был холодным и так сильно напоминал кашу, что тратить на него майонез желания не возникло. Кусок теста шмякнулся в мусорку — туда же угодили коробочка и красивая этикетка.

Алексей откусил от батона и вспомнил слова странного персонажа: «Можно предполагать, но знать стопудово — никак». А ведь ещё и улыбнулся так, когда это говорил. Многозначительно. И вот, пожалуйста. Хлебников заглянул в урну. Лежит слепок. Сгусток лапши. Бесформенный и противный.

Девушки всё ещё рубились в «Эверделл», когда одна из них явственно произнесла:

— …ракета!

Алексей даже поперхнулся. Чего?! И эти тоже? Прислушался.

— Какая именно? — заинтересовалась крашенная в зеленый цвет подруга.

— Обязательно шведская или хотя бы вьетнамская.

— Понятно. А мне японские нравятся. Классные ракетки! Они мяч сильнее цепляют.

Фу! Надо же. Померещилось. Они про теннис. Ракетка, а не ракета. Просто мозг так настроился на тему, что всё похожее прифильтровывает. На самом деле о китайских ракетах никто и не говорит. Вообще не про космос — про развлечения. И в принципе, молодцы девчонки. Теннис как бы правильный вид. Не опасный. И в настолочки сложные играют. А что? Для них очень даже сложные. «Эверделл» — не патичка вам какая-нибудь. Тут думать надо. По-любому молодцы. А то, что ракета мерещится, это да.

Кстати, задумался Алексей, что в этом деле первое происходит? Реальность обращается к тебе, подсовывая вопросы и ответы? Или, наоборот, ты зацикливаешься на чём-то, а дальше, что ни произойди, что ни случись, во всём видишь эти самые вопросы и ответы? В ракетках — ракеты, в каком-нибудь Саньке — санкхью, в простигосподях — вообще пракрити… И какое значение придаёшь! Какой пафос! Чуть ли не *духи* с тобой разговаривают, чуть ли не Судьба, да чего там, сам Господь Бог такой улыбается и говорит: «Ну как ты там, Лёха? Тут очень Меня проблемы твои волнуют! За каждым шагом твоим наблюдаю, всё помочь вот именно тебе, такому зашибенному чуваку, хочу».

Избранный! Алексей усмехнулся и кусанул батон. Вкусно. Хотя и суховато без доширака.

— Про ракету слышал?

О! Влад! Рановато он сегодня. С рюкзаком!

— Про ракетку? — уточнил Алексей.

— В смысле ракетку? Она вроде серьёзная такая. Масштабная! А ты — «ракетка»!

— Про какую ракету?

— А что, много ракет? Про китайскую.

— Про какую китайскую?

— Ты нормальный вообще? Китайских у тебя тоже вагон? Или ты спец по ракетам? Я про вчерашнюю. Они там испытывали.

— Которая нитями замыкает электрические провода?

— Во! Я ведь знал, что ты в курсе всего. А прикинь, если вообще электричество везде вырубится, ты столько бабла поднимешь!

— С чего это?

— Ну все же от компов оторвутся и от планшетов. А куда идти, чем развлекаться? А тут ты с твоими, — Влад показал на полки, — залежами настольными. Очереди выстроятся, отвечаю! Может, тебе взять на вооружение пару ракет? Ты, кстати, в зал идёшь сегодня? Чемпион? Валеру вон попроси, подменит на полтора часа.

— Не нуди. Я же сказал, мордобой не для меня.

— Кто бы говорил. Преисполнился он! Давай так, просто, разомнём косточки, вспомним прошлое!

Алексей промолчал.

— Чего мрачный такой? Спорт — сила, спирт — могила! Да ладно, ладно! Чего как на врага народа смотришь! Не хочешь, не надо. Я просто спросил. Ты ж, Лёха, мастер от Бога. Забыл? Ну хорош дуться. Иду уже. Тут рядом. Пара… Ну тройка кварталов. Я пошёл. Не хочешь, как хочешь. Я после трени загляну. Потрещим.

— Я доиграл!

Ух ты! Утренний пионер. Алексей глянул на часы. Неплохо так переиграл паренёк — часа четыре! Как-то выпал совсем из зоны внимания.

— Там, если чо, — сказал пионер, — если деньги ещё остались, оставьте в фонд антикафе.

И пошёл гордый такой. Щедрый такой!

Алексей хмыкнул. Достал батон и не спеша, листая в смартфоне ленту ВК, доел. Сильно пить захотелось. Воды? Нет, щёлкнул чайником. Кофе в пакетах есть «три в одном». Пойдёт.

И почему даже Влад Безручкин спросил сегодня про ракету? Не может ведь быть столько совпадений за день? Или может? А что, если это какой-то знак? Что, если в этом какой-то смысл? Что, если Вселенная в самом деле пытается таким дурацким путём намекнуть ему, Алексею Хлебникову, на что-то огромное? Да нет, чушь какая-то. Оно, конечно, приятно думать, будто ты такой фильдеперсовый и фартовый, что космос шлёт тебе шифровки, но реально всё это бред, конечно. А вот для стиха зашло бы.

Я услышал два слова, не понял сперва,

Что бы значили эти простые слова?

Мне ответил прохожий, случайный вполне:

«Видишь, светится капля огня на окне?

Вот так всегда с этими лезущими невесть откуда стихами, Алексей поморщился. Что за «вполне»? Что за капля огня? Красиво, конечно, огонь как капля. Типа антитеза. Но ведь и смысл какой-никакой должен быть.

Если кончатся смыслы услышанных слов…

Что будет? Ну кончатся. Вот, блин, беда! Их, в принципе, и так немного было и вот закончились. «Слов» – «вновь». Нет, мягкий знак не очень тут. «Улов»? Я что, какой-то там «ловец человеков»? «Кров»? Старо. «Основ»? Банально. «Крысолов»? Смешно! Хотя, почему? Чего там крысолов гамельнский, кажется, так его называют, приходил? Не дали ему денег за работу жадные горожане, и тогда он увёл всех детей…

Спрячет пёструю флейту в карман крысолов…

Какая-то зловещая детская ерунда. Почему пёструю? И зачем крысолову прятать флейту, когда кончились слова? Или не слова. Ну смыслы слов. Допустим, закончились смыслы и что? Кому от этого хуже?

Щёлкнул чайник. Может, хоть кофе дадут попить?..

Кофе?!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Ретроспекция № 1

Они пили кофе. Может быть, американо? Или капучино? Нет ясности и отчётливости. Но на Большой Садовой. Да, это точная информация. В стеклянной кафешке с мутным видом на подземный переход. Тот самый переход, где тогда ещё были красивые киоски. Странно, зачем эти киоски убрали? Говорят, какие-то трепетные защитники прошлого сказали, что надо вернуть переходу его исторический вид. Ну, не тот, когда переход был просто слоями земли: гумус, суглинки, супеси, глина, материк… Не настолько исторический. И возможно, мольбы защитников чётко совпали с мечтами конкурентов этих ларьков? Резонанс, в общем, какой-то произошёл. Как бы то ни было, в итоге стало мрачно и убого.

Две чашки кофе и два круассана. Ровно десять лет назад… Постой, почему десять? Двадцать же! Даже восемнадцать, если совсем уж точно. Но не десять ведь! Почему кажется, что десять? Странно. Оба тогда учились в универе. В одной группе. Будущие конструкторы. Инга весёлая, живчик такой. Была. Тогда. Стопроцентно. Всё время прикалывалась. Спросишь её:

— Выйдешь за меня?

Она такая пальчик ко лбу:

— Подумаю.

И было как-то уверенно, очевидно было, что жениться надо, прям полная ясность. Чтобы всегда рядом. В горе и радости. Ну, так говорят. Во всяком случае, объявляют такое по бумажке, когда все в загсе стоят и слушают. Про радость, конечно, все всё понимают, под неё и шампанское куплено, и рожи у всех на фотках приличные. А горе — больше так, для рифмы вставляют, для симметрии, как вроде бесплатный укроп к шашлыку. Никто ж не думает, что оно реально припрётся: без стука, в грязной обуви прямо по коврам. А когда случается, у всех память как отшибает. Начинают косить под дурачков, будто и не обещали ничего, будто и не было ничего такого. Но ведь было. Вкус того кофе точно ведь был. Горький такой, тяжёлый. Был. И она улыбалась. Честно улыбалась. От души улыбалась. Это в ней было, внутри, улыбка как состояние, как единственно возможное что-то.

Она его любила. Несмотря на странность этого слова, на избитость этого слова. Любила. А любовь ведь не обязана быть вечной. Если она есть сегодня — это же не должно прям означать, что и завтра тоже будет. Вот сегодня есть — и это факт. Точка. А завтра всякое может случиться.

А вот он — любил? Или что-то вроде сырого чертежа: как бы нужен такой прямоугольничек внизу? Типа положен прямоугольничек. Красивый, ровный, со всеми данными, с подписью, датой. Почему же кажется, что всё-таки любил. Или только кажется… Ведь любить было правильно, а если не любить, то зачем весь этот цирк с конями? Да чего уж там, любил, конечно, всё по-честному, как положено. Но только если любил, почему не удержал потом, когда Арина…

Арина родилась летом. Как, собственно, и он сам. Да что там летом. Оба родились в августе. Только он седьмого, а она двадцать седьмого. Даже семёрки совпали. Чётко так. Какая она страшная… нет, неправильное слово, — странная была. Такая мордашка красная-красная – Инга в окно показывала из роддома. Со второго этажа.

А потом, когда из роддома забрали, — вообще красивая. Арина всегда красивая была, не то, что он. Даже Инга не прям красавица, а Арина прям. Это просто чудо какое-то. Родственники все у Инги и у Алексея обычные, не красавцы, скажем честно, а Арина да.

В пять лет в садике уже книжки читала. «Буду умной как папа!» — говорила всем: и бабушкам, и знакомым, которые потом им с Ингой выговаривали, что читать надо учиться в школе, что педагоги будут возмущаться, типа вот ваш ребенок ушёл вперёд в развитии и теперь ему на уроке будет скучно. Почему-то всегда хотела быть как папа. Девочка ведь. Странно. Если бы как мама — понятно, а папа…

И на каратэ она хотела как папа.

— Зачем ты меня отдаёшь в эту ужасную гимнастику? Я хочу на каратэ.

С Ингой каждое утро ехали в один проектный институт. И были рядом, и не надоедали друг другу. Друзья удивлялись: «Вы там не надоели друг другу?» Они с Ингой смеялись. Это правда казалось каким-то анекдотом, глупостью какой-то, ведь всё было сплошным кайфом. Искрилось всё, сияло. И ничего другого не нужно было. Да и кто думал, что может быть по-другому?

А потом в одну секунду она будто ускользнула в щель какую-то между кухонным шкафом и холодильником, оставила после себя только легкий сквозняк, пахнущий «Пако Рабан» и недопитым кофе.

Две ложки кофе, две сахара — так она любила. Но эта вся многолетняя конструкция — с общими лекциями по матану, сидением в душной институтской лаборатории, вечерними объятиями под гул старого кондёра — оказалась вообще не монолитом, а такой фанерной перегородкой, которую ставят на месяц, но потом забывают за всеми этими вскакиваниями по будильнику, выходными по графику и даже днями рождения по календарю... Забывают про хрупкость, про временность, про фанерность, ненадёжность.

Сколько они были вместе? Девять лет? Десять? Какое-то время их сшивал жёсткий график тренировок мелкой. Все эти бесконечные поездки на трамвае в спортзал, запах талька, тугие пучки на затылке и вечная стирка эластичных купальников, которые сохли на батарее и пахли какой-то особенной детской победой над гравитацией. А когда сшивать стало некому, когда все эти медали и ядовито-розовые ленты превратились в музейные экспонаты, пылящиеся на полке, вот тогда фанера и треснула. И оказалось, что они просто два пассажира, застрявшие в сломавшемся трамвае рядом со свободной, гулкой и страшной конечной остановкой, где больше никто никого не ждёт с тренировки.

Арина как-то спросила его. Такой странный вопрос. В её стиле. Но жёстко так. С вызовом:

— Папа, а для чего мы так мучаемся? Кому от этого легче? Кому это вообще надо?

Алексей тогда засмеялся.

— Что, неохота завтра на треню?

— При чём тут треня! Ты как не понимаешь! Помнишь барашку? Она что — умрёт только потому, что… что этот дурацкий дедушка хочет кушать?

За день до того, на Центральном рынке, покупали с ней помидоры. И дед такой: худой остроносый, в каракулевом пальто — спрашивал у продавщицы в мясном ряду:

— Ягня есть?

С таким странным ударением на последний слог.

— Ягнёнок? — уточнила продавщица.

Дед кивнул.

— Вон, смотрите, на прилавке, слева.

— Не, мне живая нужна.

Арина услышала и шепнула Хлебникову:

— Смотри, этот дед живую барашку хочет зарезать! Пойдём отсюда подальше! Он плохой.

Тогда Алексей этот факт даже не зафиксировал — мало ли чего ляпают деды на базаре, а теперь разговор всплыл в голове таким зуммером, как в какой-то телепередаче, где кончилось время и пора отвечать. Ну, допустим, хотел дед заколоть ягнёнка на шашлык или шулюм. Людям вообще свойственно хотеть жрать, в этом нет никакого заговора. Барашек для того и существует в этой унылой пищевой цепочке, чтобы в итоге превратиться в наваристый бульон с плавающим сверху луковым кольцом; не в цирке же ему, в самом деле, на моноцикле кататься. Все равно ведь кто-нибудь перетянул бы ему горло ножом — не этот дед, так другой, в фартуке, с матерком.

Но Арину тогда переклинило. Намертво, с какой-то глухой, взрослой яростью. Только потом, через много лет, сидя вечерами дома и глядя на сиротливые гимнастические медали, Алексей начал как-то понимать её излом. Арину ведь взбесил не сам факт убийства, а то, ради какой копеечной, глупой ерунды всё это затевалось. Ради мимолётного урчания в дедовском животе, ради десяти минут жевания под водку. Настоящая, полноценная жизнь приносилась в жертву чьей-то сиюминутной потной похоти — просто укусить, просто насытиться и тут же забыть.

Для Арины этот дед с ножом был таким символом тотального человеческого убожества.

А люди вокруг продолжают резать, предавать и ломать жизни просто так, по привычке, ради секундной поблажки своим мелким, ничтожным желаниям — словно покупатели, разбивающие дорогой фарфор только ради того, чтобы послушать весёлое звяканье осколков. Тупое звяканье, типа бренчания убогой балалайки, на которую Хлебникова отдали в двенадцать и мучили до тех пор, пока он не собрался со своими подростковыми силами и не сказал: «Хватит».

А вообще, сама жизнь, если уж задуматься, ведёт себя никак не умнее этого деда с тесаком. Ей-то, этой огромной, прожорливой, тупо ворочающейся махине, зачем понадобилась именно их мелкая? Она же не какой-то насильник или там вор — нет же! Это же Арина — тёплое, сопящее во сне существо с веснушками на переносице и смешными, вечно сбитыми коленками. Она же вообще переживала за любое живое: плакала над замёрзшими воробьями, совала свои крошечные ладошки под морды привязанных у магазина собак, гладила мальчика, рыдавшего у песочницы, и говорила: «Не заморачивайся, в жизни бывает и похуже». И по итогу эта жизнь взяла и загребла её к себе с какой-то особенной, хищной, торжествующей жадностью, с какой пьяный хулиган вырывает из рук прохожего редкий, хрупкий цветок. Не ради красоты, а просто чтобы смять, бросить под ноги в грязь и пойти дальше, довольно рыгая. В этой космической гастрономии не виделось Хлебникову и капли высшего смысла — одна лишь тупая, ненасытная сучья пустота, которая сожрала самое чистое и нежное, что было в их серой квартирке, просто потому, что смогла дотянуться.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
Уголь

Влад явился свежий такой, вымытый после тренировки. Алексей глянул на часы: 21:12. Еще час — и домой.

— Зря не пошёл, — Безручкин с маху обрушился на диван, отчего тот жалобно крякнул. — Кайфовая треня! Я кумитировал с Егором Тюриным!

— Удачно?.. Кумитировал.

— Ну как бы… в принципе… не важно. Просто наслаждаюсь жизнью. В отличие от некоторых. Вам, гагарам, недоступно наслажденье битвой жизни! Шум спортзала вас пугает!

Алексей поморщился.

— Не пугает, просто противно. Вся эта ваша как бы такая возня. Ну, не то чтобы она совсем тупая. По-другому. Ты же, Влад, просто бежишь по кругу. Бежишь и бежишь, а цели нет. Смысла нет. Нет же. Ты ведь не живёшь, ты отрезаешь прям кусками от жизни что-то важное, что-то главное, что-то, ради чего всё вообще есть. Ну да, допустим, научишься ты бить человека. Плохого даже человека, распоследнего демона. И что? Исправишь его этим? Нет ведь. Не исправишь. Просто покалечишь. Или убьёшь. И это вот тебе кажется очень важным? В этом твоя «жажда битвы»? Ну даже, допустим просто, пойдём навстречу твоей идее, допустим, ты в чём-то прав, но мне-то это зачем? Я что, хочу кого-то там победить, чего-то такое доказать? Не хочу же!

Влад потянулся:

— Вот и зря! Смысл в этом на самом деле есть. Так ты быстро состаришься и того... А если будешь двигаться — проживёшь долгую полноценную и счастливую жизнь. Нужно только заставить себя. Перешагнуть через лень один разок.

— Привет, братцы! — Серёга пришёл. Хозяин этой богадельни. — Как настроение? Солнце, видели, какое сегодня было? Красивое, большое, светлое! Прям Солнце-Солнце!

Алексей попытался вспомнить, видел ли он сегодня солнце? Наверное, видел, как можно не видеть? Но в памяти не отпечаталось.

— Приветики! — сказал Влад. — Чо, как дела?

— Дела? Солнце сказало, что всё у нас правильно и грамотно.

— С Солнцем общаетесь?

— Я про бухгалтера. Фамилия у неё Солнце. Виталина Солнце. Виталина Владимировна.

— Подождите, — не понял Влад, — так это бухгалтер такой большой и светлый?

— Ну нет! Что ты такой нудный, Безручкин! Это просто Солнце. Обыкновенное Солнце, на небе! Оно большое. А бухгалтер очень даже стройная и совсем не большая. Ну сколько, ну сантиметров сто семьдесят от силы. Даже, может, сто семьдесят один. Максимум. Что там у нас сегодня, Лёха?

Алексей вытащил из шкафчика журнал учёта:

— Нормально, в принципе, — ткнул он в строчку на раскрытой странице, — почти три тысячи. Дэ Рэ заказали — ещё пятёрочка. И это без продажи игры.

— Да неужели?! Игру купили? Какую?

— «Вестерос».

— Ёшкин кокошник! Неисповедимы пути твои, Господи! И кому же в голову пришла такая роскошная идея купить «Вестерос»?

— Парень. Крупный такой, я ещё подумал, что он родновер — у него татуировки такие славянские и борода.

— Наш человек! – одобрил Влад. — Ещё придёт? Мне надо с ним познакомиться.

— Что-то не уверен, — сказал Алексей, — он на игротеках не был ни разу. Нет, ну он вроде как бы сказал, что зайдёт, но так сказал, типа может быть, как будто сам в это не верил.

— В общем, — подытожил Сергей, — нормальный день. Давай я выручку заберу, больше же вряд ли кто подойдёт.

— То есть, — вклинился Влад, — если я сейчас Лёхе заплачу за вечер, это его личный доход получится, да, Сергей Антонович?

Сергей усмехнулся:

— Тёмный ты, Влад, человек! Мешаешь личное с общественным. Вот как с такими, как ты, светлое завтра строить?

— Это смотря для кого светлое! Если для нас с Лёхой, то нормально, а если для выдуманных героев, то зачем нам это надо?

— Вот, я же и говорю — тёмный! Не думаешь ты о человечестве, Безручкин, от слова совсем. Нет в тебе этого великого гуманистического начала. Потерянный ты, Безручкин, для общества элемент.

— Чего это потерянный? Нормальный вполне элемент! С какого перепугу я должен думать про всяких ваших американцев или даже китайцев? Я что — благотворительный фонд?

— Не фонд, это точно. Нет в тебе, Безручкин, этой отдачи, этой способности к самопожертвованию во благо… во благо… Ну, в общем, во благо. Ну нет. А очень жаль — ведь мог бы из тебя получиться вполне себе приличный человек. Человечище даже. Гражданин Вселенной. Но не получился. И вот это, дорогой мой недочеловек, и есть темнота. Тьма внешняя.

— Вот тут не надо наговаривать, — насупился Влад. — Я вам не унтерменш какой-нибудь, это уж точно. Вы просто пользуетесь тем, что старше, и навязываете миру стереотипы.

— Расстроился, что ли? — улыбнулся Сергей. — Не надо, родной, трёх Безручкиных я не потяну.

— Каких трёх? — не понял Влад. – Шутите? Ну-ну. Вон Лёха никогда не шутит — и нормальный же человек.

— Во как! — искренне удивился Хлебников. — Ты как-то уж там определись, Влад, нормальный я человек или недоступный битве жизни.

— Битве недоступный, да, потому что спорт не любишь. А так нормальный. А Сергей Антонович едкий. Саркастический. Это, в принципе, тоже неплохо, но в меру если.

— Видишь, Алексей, —Серёга покачал головой, — устами младенца глаголет младенец. Ты завтра как?

— Вот, возьми, — Алексей протянул деньги. — А что, надо завтра выйти?

— Нет, господь с тобой, я буду. От звонка до звонка. Ты и так со среды на четверг ночь отпахал. Просто как там планы, что нового?

— Да какие планы. Порядок навести, постираться, ну, может, погулять. Это разве какие-то там планы?

— А на личном фронте?

— Ну, тут, ты же понимаешь, всё, конечно, стабильно и тихо, прям полностью. Отвоевался я давно уже.

— Вот! — не удержался Влад. — Нет в тебе жажды битвы! Это же ненормально, Сергей Антонович!

— Да. Тут соглашусь с тобой, Влад, — Сергей засунул деньги в барсетку на поясе. — Получается, сдался наш товарищ. Пал на несбывшейся войне. И я не про то, что он в армии не служил. Я про то, что жизнь продолжается. Это как в том бородатом, ещё советском анекдоте про мужика, который уже петлю на шею набросил, мылом верёвку смазал, табуретку из-под ног выбить приготовился — и вдруг видит краем глаза, что под шкафом недокуренный бычок валяется. Ну, вылез из петли, поднял, затянулся. Глядь — там же в пыли полстакана водки с дохлой мухой, бахнул и такой: «А жизнь-то налаживается!»

— Помню, дед рассказывал, — лениво кивнул Влад.

— Весёлые вы, блин, люди, — не выдержал Алексей. — И анекдоты у вас трогательные, как чеки из магазина, что люди в карманы суют. А вот скажите, вот зачем они их потом выравнивают по краям, ногтем так: вжик — распрямляют, типа если их ровно сделать — станет понятно, зачем всё это? Это же просто бумажки, и на солнце они выцветают, и буквы расплываются.

Вокруг вяло колыхалось антикафе. Лампы давали тот самый тусклый, будто застиранный, свет, от которого тени ложились неровно, а лица чуть плыли по краям, теряя чёткие контуры. Где-то в дальнем углу, у компьютеров, кто-то засмеялся, и смех прозвучал так, будто человек сам себя уговаривал, что ему весело.

Влад резко выставил перед собой ладонь, как та Тринити в телефонной будке:

— Вот не надо, Лёха, сгущать. Жизнь — классная штука, и если лишнего не сыпать, жрать можно!

— Классная, — повторил Алексей задумчиво, пробуя слово на вкус, и оно оказалось пресным, как больничный суп. — Наверное. Но мне кажется, что вся эта «классность» — как вон часы на стене, они тикают, а ты их не слышишь. Как бы мелочь, серый шум, а если услышал — напоминают: время идёт, время идёт… И сколько тысяч жизней так было до нас, и сколько тысяч будет после нас? И кто мы такие в этой послушной очереди за смертью?

Сергей уже присел в кресло, и пальцы его неспешно обводили край кожаного подлокотника, будто проверяя, целый ли он.

— Ты, походу, Лёха, про память. Ну не помнишь ты, допустим, чего там в эпоху мамонтов было, — бог с ним. Я, может, тоже не помню. А кто-то помнит. Сидит сейчас в дурке или в трамвае едет и помнит — и до, и после. И чо? Лучше ему от этого?

— Да хрен его знает, — смешался Алексей, — тут вообще трудно какой-то смысл найти. Может, и есть он, только нам вообще непонятный. Это как пыль на вон тех, верхних полках с играми — не сразу заметишь, а потрогаешь — на пальцах остаётся. Или как журнал учётный, который так заполняешь, пишешь буквы ровно, чтобы выглядело убедительно, типа точно знаешь, зачем всё это. А потом кто-то берёт журналы эти и складывает в стопку — и лежат они себе, сыреют, гниют, и никому уже не важно, как там аккуратно ты выводил свои каракули.

— А я вам говорил, Сергей Антонович! — закивал Безручкин. — Доктор Лёхе нужен. Мозги починить.

Серёга медленно откинулся в кресле:

— Кто знает, мой юный друг, кто знает… Может, конечно, и надо, хотя лично мне кажется, тебе просто не удалось проникнуть в душу поэта. Не срезонировал ты с ним. Все эти интонации, все эти сумеречные метафоры. Для тебя это проявление чего-то непонятного, а значит, опасного. Но поверь человеку, десятки лет посещающему поэтический клуб, да что там посещающему, создавшему этот «Приют Пегаса», в коем, кстати, состоит наш уважаемый и очень, должен тебе заметить, талантливый Алексей Борисович. Так вот, для такого человека подобное зрение вполне себе нормально и обыденно. Это плата за оптику.

— Простите, друзья, — сказал Алексей. — Видно, я сегодня не в той тональности. Вы тут как бы просто поржать хотели, а я со своими бланками и часами… Просто в такие вечера, когда вокруг вон все слишком стараются делать вид, что всё путём, — прям сильно фонит. Как в подъезде, где лампочка подыхает и мигает: она трещит, за стеной телевизор ржёт закадровым смехом, кашляет кто-то в туалете, вода журчит. А мир вокруг корчит такую уверенную, обстоятельную рожу. Смотрите, мол, у нас всё под контролем: антикафе работает, кофе остывает, люди беседуют, у всех дела, у всех радостные лица. Будто, если говорить погромче, можно перекричать всю эту хтонь.

Серёга перестал мучить подлокотник:

— А может, Лёш, и не надо перекрикивать? — спросил он. — Может, можно просто признать, что она есть. И всё равно сидеть тут, кофе пить. И даже иногда поржать — не потому, что смешно, а просто, чтобы звук был. Чтобы не так одиноко было в этом всём.

Алексей хмыкнул.

— Наверное. Просто… когда долго делаешь вид, забываешь, в конце концов, как по-другому.

В этот момент где-то у тёмного окна снова рассмеялись, но теперь смех не показался фальшивым — просто ещё один звук в общем гуле. Хлебников захлопнул журнал, словно ставил точку.

Влад посмотрел на экран телефона и присвистнул:

— А вы в курсе, граждане поэты, что антикафе уже пять минут как закрыто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.